

1. МЫ БЫЛИ ЕГО СОВРЕМЕННОКАМИ

**Самая печальная радость – быть поэтом.
Всё остальное не в счёт. Даже смерть.**
(Ф.Г.Лорка)

Руслан Сидоров... Трагедия в Калачёво... Мать потеряла единственного сына. Мы потеряли друга. Город потерял большого поэта.

Мы любили Руслана. «Он был моим другом», – это могут сказать многие. И всё-таки, как я думаю, при всей своей общительности, при всей расположенности и благожелательности друзей и подруг, Руслан был глубоко одиноким, как всякий большой поэт. Похоже, мы не понимали, что дружим, разговариваем и смеёмся, выпиваем-перекуриваем, идём по улице или сидим рядом с настоящим Поэтом, каких немного выпадает на одно поколение.

Наверное, нам ещё предстоит осознать масштаб личности и таланта Руслана Сидорова. Надо, чтобы память о нём не осталась замкнутой в кругу его друзей и почитателей. Это зависит от нас. Есть простая истина: мы были его современниками.

<...>

2. ГОГОЛЕВКА И «ДИЛИЖАНС»

На многие годы поэтическая судьба связала Руслана Сидорова с «Дилижансом» – был такой клуб любителей поэзии в Гоголевке (была такая библиотека в городе). Он – один из основателей этого клуба, просуществовавшего почти пятнадцать лет. Не преувеличивая, можно сказать, что «Дилижанс» был для Руслана и домом, и семьей, и трибуной, и местом общения с друзьями. В свою очередь, «Дилижанс» во многом держался на Руслане Сидорове. Он проводил или как-то участвовал в проведении едва ли не трети всех дилижансовских вечеров.

Как поэта Руслана знали и ценили в городе. На его вечера в «Дилижансе» народу собиралось раза в полтора-два больше обычного. Шли «на Руслана».

Своим человеком Руслан считался и в литстудии «Мастер-круг» в библиотеке. Да и сама библиотека имени Н. В. Го-

голя, бывшая наша Гоголевка, Почётным читателем которой он являлся и из которой он, бывало, не вылезал целыми днями, была ему родной. В библиотеке есть то, что можно читать, а чтение для Руслана было важнее еды и воды. Знание, информация – вот в чём он был ненасытен. Его начитанность и эрудиция поражали. Разбирая его наследие, находим, например, тетради, где переписаны стихи современных авторов. Одна из записных книжек представляет собой конспект по античной философии. Есть большие выписки из работ русских философов – В. В. Розанова, Л. И. Шестова. Гоголевка была рабочим местом Руслана.

В одной из его многочисленных тетрадей есть набросок стихотворения, посвящённого библиотеке – той, «неслитой» Гоголевке. Заметим, что слово «библиотека» Руслан пишет с большой буквы.

*

**Хвала Библиотеке! В жизнь, когда
Всё вздорожало, книги и журналы –
Библиотеки бескорыстный дар.
И где ты, смерть? И где же твоё жало?**

**За жизнь не жизнь, а жизни пережить.
Подельник, соучастник и соавтор,
Я для Вселенной менее, чем атом,
И всё ж во мне Вселенная лежит:**

**Сто тысяч солнц и сонмы снов планет –
Иным ста лет не хватит облететь их.
И мало дела – моего здесь нет,
Во мне – моё, хвала Библиотеке!**

<...>

3. ПОЧЕСТИ, ПОПУЛЯРНОСТЬ

Меня иногда поражало равнодушие Руслана к признанию, почестям, к печатанию его стихов. Это равнодушие не было показным, всё это, действительно, мало его волновало. Он был не то чтобы скромным – он был каким-то не шумным, не высовывающимся, не привлекающим к себе внимания, и преображался, когда читал стихи или рассуждал о поэзии.

С его талантом и известностью в городе и области, имея три выпущенных сборника стихов, наверное, можно было претендовать на членство в Союзе писателей. Я не помню, чтобы Руслан когда-нибудь занимался этим или всерьёз говорил об этом. Смутно помнится, как однажды в курилке на крыльце библиотеки кто-то начал говорить, что Руслану нужно начать что-то делать для вступления в Союз писателей. Руслан отмахнулся и не стал продолжать разговор.

(О, эта курилка на крыльце! Я бы назвал её малым «Дилижансом» по аналогии с театром, где есть основная и малая сцены. Стихов там читалось, ну, разве что немногим меньше, чем в основ-

ном клубе в творческой гостиной, а разговоры о поэзии были не менее зажигательными и, пожалуй, более раскованными и не всегда ограниченными – когда курили только мужчины – общепринятой лексикой.)

Руслана печатали в журналах, газетах, альманахах. Были статьи в прессе о его творчестве, о поэтических вечерах, которые он проводил, о публичных лекциях в Гоголевке. Друзья выкладывали стихи Руслана в Интернет. Его часто приглашали выступить на различных поэтических вечерах, и обычно он соглашался.

Мы, близко знавшие Руслана, конечно, считали его настоящим поэтом. А вот сам он на прямые вопросы («Считаешь ли ты себя поэтом?», «Когда ты понял, что ты – поэт?») обычно отвечал уклончиво. Думаю, он осознавал себя поэтом и знал себе цену как поэту. Косвенное подтверждение этому можно найти в стихах.

**Я вам пишу.
Я только вам пишу.
Кому же мне ещё писать, читатель?
Я доверяю суть карандашу –
простому, твёрдому,
что пишет правду, кстати.**

**Дар «даром» – даром назван.
Заплатить
приходится по жизни.
Вплоть до смерти.
Рубашка вот последняя –
примерьте!
Мне налегке
по силам крест носить.**

.....

**Я думаю... Что это значит: «Я думаю»?
Я думаю так: составляю слова.
С душою моей, сладкозвонкою дурою,
Мы будем их в рифму в тетрадь рисовать.**

.....

**Минутную фантазию облечь
В слова, что приглянулись предложеньям,
А те – строфе, а та – другой строфе,
Те – году, веку и тысячелетьям.**

.....

**Мне не до маргарит – губа не дура.
Я сам себе – критерий мастерства.**

**Пока я емь – поэзия жива.
Я из себя творю литературу!**

.....

**Но пока со мною музы
Делят ложе, тьму и свет,
Недоучка, вне союзов –
Руська Сидоров поэт.**

Да, Руслан понимал, что он Поэт. При этом, повторяюсь, популярность и признание его мало заботили. Думаю, по большому счёту, в жизни его по-настоящему интересовала лишь поэзия.

4. ИОСИФ БРОДСКИЙ

Иосиф Бродский... Непреходящая и неизбывная любовь Руслана, кумир и властитель его дум. Повесть под названием «Бродский и Сидоров» имеет многолетнюю продолжительность. Авторитет Руслана, как знатока поэзии И. Бродского, был общепризнан.

В «Дилижансе» Руслан много раз предлагал: каждый сезон проводить вечер поэзии Иосифа Бродского. Предложение это так и не было принято ввиду его очевидной бессмысленности: и без официального утверждения Руслан проводил вечера, посвященные своему кумиру. Не считая того, что стихи И.Бродского звучали и по другим поводам: во время «Свободного микрофона», например, или за чаепитием, или в курилке на крыльце библиотеки.

В 2006 году у Руслана вышел сборник стихов «Второе дыхание». По этому поводу в «Дилижансе» устроили его презентацию. Мы шли на встречу в хорошем настроении – предстояло послушать Руслана и приобрести его новую книжку. Я приготовил подарок – вырезал из журнала цветной снимок Иосифа Бродского и вставил его в самодельную рамку. Получился портрет, который можно поставить на стол или повесить на стенку.

Вечер прошёл замечательно, как и все вечера Руслана. Правда, выяснилось, что у него с собой всего один сборник, и подарить его кому-либо он не может. Я ощутил легкое разочарование – очень хотелось заполучить новую книжку Руслана. И тут меня осенило. Поздравив Руслана с выходом поэтического сборника, я показал ему портрет И. Бродского и сказал: «Руслан, я хотел подарить тебе этот портрет, но передумал. Предлагаю меняться», — «Легко!» — не задумываясь, ответил Руслан. На это и был расчёт. Понятно, что за портрет своего кумира он может отдать многое. «Меняю на твой сборник», — продолжал я. Руслан протянул книжку, а я взамен отдал портрет.

Так я стал обладателем сборника стихов «Второе дыхание». Не совсем честным путем, понимаю.

На похоронах Руслана я видел этот портрет И. Бродского, он стоял в шкафу среди книг...

Люблю стихи Руслана, обращённые к Иосифу Бродскому. Это разговоры младшего со старшим, это почитание, это боль и благодарность, это размышления и сопричастность поэзии.

**...На Гринвич Вилледж, где обретался жрец языка,
Зайди, поклонись, если сможешь, то скрипни дверью.
Он откликнулся, когда заходила треска.
А потом устал, переехал на Сан-Микеле...**

.....

**Ну, как там тебе, Там, язычник языка?
Считал, что пустота, а что на самом деле?
Не уважавший ложь, словесный музыкант,
Васильевский ты всё ж сменил на Сан-Микеле.**

**Чем больше тебя нет, тем больше тебя есть
В душе моей и здесь: в миру, на книжных полках.
Твой благовест стиха, по мне, – Благая Весть.
И сердцу без него и холодно, и колко...**

.....

**Ты Дедал мой. И то, что ты дал мне, – моё.
Не отдам, но с охотой большой потеряю.
Ибо чем веселей в полдень золото льёт окоём,
Тем и искус сильней – улететь за границы окраин...**

«Стихи, которые ты помнишь наизусть, – твои стихи», – часто говорил Руслан. В одной из его тетрадей есть короткая запись: «Стихи наизусть – это ваши стихи». Похоже, это было его твёрдым убеждением – если какое-то стихотворение запомнилось, оно принадлежит тебе. (Интересно, сколько же в таком случае стихов принадлежало самому Руслану, помимо его собственных? Имея прекрасную память, он знал наизусть сотни, если не тысячи стихотворений самых разных поэтов – известных, малоизвестных и совсем не известных.)

В апреле 2012 года Руслан провёл в «Дилижансе» вечер, где читал стихи своих любимых поэтов. И название придумал замечательное: «Стихи, которые помню наизусть». В этот раз звучали поэты, которых Руслан любил давно и непоколебимо, – Т. Кибиров, Б. Чичибабин, О. Мандельштам, Л. Стафф, В. Павлова, Б. Рыжий... Много мы тогда услышали: прекрасные стихи с короткими пояснениями Руслана, рассказы об авторах, искрометные экскурсии по самым разным поводам, его оригинальные суждения о поэзии.

Поэтический вечер Руслан закончил стихотворением, автора которого я предлагаю угадать с трех раз. Да, конечно, это был Иосиф Бродский, и это был шедевр «Осенний крик ястреба».

Большое произведение со сложной звукописью и композицией, наполненное образами и ассоциациями, Руслан читал наизусть:

**Северо-западный ветер его поднимает над
сизой, лиловой, пунцовой, алой
долиной Коннектикута...**

С каждой строчкой голос Руслана становился твёрже, взгляд – отстранённое, сам воздух, казалось, наэлектризовывался.

**...Но восходящий поток его поднимает вверх
выше и выше. В подбрюшных перьях
щиплет холодом. Глядя вниз,
он видит, что горизонт померк...**

«Дилижанса» уже не было. Не было нас, не было стен и окон, не было времени. Было только потемневшее лицо Руслана и голос, заполнивший всё пространство. Был только трагический ястреб, чей крик звучал в недружелюбном космосе.

**...Пронзительный, резкий крик
страшней, кошмарнее ре-диза
алмаза, режущего стекло,
пересекает небо...**

Руслан закончил. Мы были потрясены. Опомнившись, как от гипноза, бросились к нему с поздравлениями и благодарностями. Но Руслан нас не видел и не слышал, он был напряжён, тяжело дышал, на лбу собрались капельки пота. Он весь был там, в «сизой, лиловой, пунцовой, алой» долине Коннектикута, он сам был одиноким ястребом. Похоже, он испытал (да и мы все вместе с ним) сильное эмоциональное потрясение. И даже в курилке на крыльце, куда его утащили, он не сразу смог говорить и отвечать.

Это всерьёз обеспокоило нас. «Руслан, так нельзя!» — сказал я, имея в виду состояние, до которого он довёл себя, читая «Ястреба». Руслан посмотрел на меня, и мы оба улыбнулись, прекрасно поняв друг друга: только так и можно читать Бродского. И никак иначе!

.....

В конце каждого года «Дилижанс» обычно устраивал вечер новогодних, рождественских и просто «зимних» стихов. И здесь у Руслана, да и у всех нас, была прекрасная возможность «отвести душу» и вдоволь почитать Иосифа Бродского. Известно, что И. Бродский в разные годы писал стихи к Рождеству. Конечно, на этих вечерах читали разных поэтов, в русской поэзии стихов на зимнюю тему предостаточно. И «Рождественская звезда» Б. Пастернака – прекрасная поэтическая иллюстрация к евангельскому сюжету – не была забыта.

Если не Руслан, то кто-нибудь другой (опасливо поглядывая на Руслана) обязательно читал Иосифа Бродского:

**Волхвы пришли. Младенец крепко спал.
Звезда светила ярко с небосвода.
Холодный ветер снег в сугроб сгребал.
Шуршал песок. Костёр трещал у входа...**

Или:

**Спаситель родился в лютую стужу.
В пустыне пылали пастушьи костры.
Буран бушевал и выматывал душу
из бедных царей, доставлявших дары...**

Или:

**Неважно, что было вокруг, и неважно,
О чём там пурга завывала протяжно,
Что тесно им было в пастушьей квартире,
Что места другого им не было в мире...**

Или знаменитый «Рождественский романс» – первое из рождественских стихотворений с посвящением Е. Рейну:

**Плывёт в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих...**

Чаще других почему-то звучало стихотворение «24 декабря 1971 г.» с его «вальсовым» ритмом:

**В Рождество все немного волхвы.
В продовольственных слякоть и давка.
Из-за банки кофейной халвы
производит осаду прилавка
грудой свертков навьюченный люд:
каждый сам себе царь и верблюд...**

На одном из таких вечеров кто-то прочёл рождественское стихотворение Иосифа Бродского 1989 года:

***Представь, чиркнув спичкой, тот вечер в пещере,
используй, чтоб холод почувствовать, щели
в полу, чтоб почувствовать голод – посуду,
а что до пустыни, пустыня повсюду...***

Прочитавший рассказал о своем впечатлении: И. Бродский, обращаясь к читателю, просит его лучше представить обстановку в пещере, где родился Спаситель. «Используй, чтоб холод почувствовать, щели в полу, чтоб почувствовать голод – посуду». А пустыню и представлять не надо – «... а что до пустыни, пустыня повсюду». Каким ледяным одиночеством наполнены эти слова!

Внимательно слушавший Руслан настолько обрадовался такому пониманию стиха, что вскочил с места, подбежал к читавшему и в порыве чувств пожал ему руку. «Как здорово ты понимаешь Бродского!» — радостно воскликнул он. В этом весь Руслан – его восхищал не только Бродский, но и каждый, кто читал и старался понять великого изгнанника.

5. СЛОВО, ЗВУК

Слово, звук, образ – святыне для Руслана понятия. Слова, словосочетания, фразы, пришедшие ему в голову, нередко становились частью стихотворения.

...После вечера в «Дилижансе», не спеша, гуляя, идём небольшой компанией. Тепло. Руслан оживлен, что-то рассказывает:

— Мне в голову пришло что-то вроде клятвы: «Навсегда! До гроба! До завтра!» Интересно, правда? Надо обязательно вставить в стихотворение.

Проходит какое-то время, и Руслан на крыльце декламирует написанное четверостишие:

***Любовь разнолика, как счастье.
Но всё ж со времен динозавров
Всё те же звучат обещанья:
Навечно! До гроба! До завтра!***

...Крыльцо библиотеки. Перекур. Руслан оживлённо рассказывает:

— Я нашел слово. И оно, и противоположное ему означают одно и то же.

— Что за слово? — спрашиваем мы.

— «Истово» и «неистово», — торжественно объявляет Руслан. Радует, как ребёнок, счастливой находке.

Мы задумываемся. Действительно, «истово» и «неистово» – синонимы. И в то же время антонимы. Молодец, Руслан! Чудак, Руслан, надо же придумать такое!

В другой раз он по ходу какого-то разговора замечает:

– Вот интересно: «светило» – это и глагол, и существительное.

Эти руслановские мимолётности забылись бы со временем. Но вот в его сборнике «Второе дыхание» читаем искрящееся весеннее стихотворение:

**С утра светило истово,
лучисто и неистово
светило. Голосистые
совсем сошли с ума
в любовное безумие,
в многотональных зуммерах.
Всё означало в сумме, что
закончилась зима...**

На эту же тему: очень смутно помнится, как Руслан что-то похожее говорил про слово «голубей», дескать, это и существительное во множественном числе, и сравнительное прилагательное. (Откуда же мы знали, что надо было запоминать или записывать мимолётно сказанное Русланом, его оригинальные суждения, его афористичные мысли?)

А вспомнилось это, когда обратил внимание на строки из сборника «Второе дыхание»:

**Вот голуби в проруби глыбы небес
взмывают – и будто их нету.
Ведь нету ответа на «Что голубей:
чета голубей или небо?»**

Уже после гибели Руслана нечто подобное не раз находил в его тетрадах:

**Дар «даром» – даром назван.
Заплатить
Приходится по жизни.
Вплоть до смерти.**

Возможно, кому-то Руслан и говорил, что слово «даром» имеет не одно значение. Делился своей очередной находкой. А может, и нет...

Иногда испытываешь ощущение, будто Руслан играет словами и звуками, как ребёнок кубиками. Однако это не так. Это не было самоцелью. Он хорошо разбирался в литературоведческих премудростях, и все эти омонимы, омофоны, антонимы, паронимы органично входили в его стихи, не выпячиваясь, как специальные литературные приёмы.

То же самое можно сказать и о звуковой организации его поэзии, в частности, о применении такого приема, как аллитерация – звуковое повторение. Можно увидеть, как мастерски в поэзии Руслана Сидорова используются повторы звонких (б д г л), глухих (к т), свистящих

(с з), шипящих (ш ж ч) звуков, а также их сочетаний (нг лс гл дн кр).

...Одним дано одно. Другим – другое...

...и крошат реку кролем крылья-руки...

...Ворон каркает: «Браво!» – и вторят вороны: «Ура!»...

**...А за окном: «пить-пить» –
Свирели свиристящих свиристелей...**

**...Вот четкая и честная черта
из точки в точку...**

**Ночь. Кочерги нога
чертит в печи круги...**

...удалившись от ливней лишнего...

...поднабычившись в быдлые будни...

Надолго к гласу Логоса оглох...

Аллитерация, ассонанс (повтор гласных звуков), использование корневых рифм, тяга к опосывающей рифмовке и другие поэтические средства специфически украшают поэзию Руслана и делают её узнаваемой. В целом же поэтическая система Руслана Сидорова требует серьезного литературоведческого анализа.

Отдельного исследования ждёт язык его стихов, богатый и своеобразный. Использование архаизмов и прозаизмов, «высокого» стиля, неологизмов и сленга, присутствие в стихах образов мировой культуры, расшифровка «тёмных» (т.е. непонятных) мест и скрытого смысла – всё это ждёт своего исследователя.

6. ВЛИЯНИЕ ИЛИ ПОДРАЖАНИЕ?

Иногда на «Дилижансе» возникал разговор о влиянии одного поэта на творчество другого. Хорошо это или плохо? Я думаю, ничего плохого в этом нет. В союзники возьму Иосифа Бродского:

«Подлинный поэт не бежит влияний и преемственности, но зачастую лелеет их и всячески подчёркивает. Нет ничего физически (физиологически даже) более отрадного, чем повторять про себя или вслух чьи-либо строки. Боязнь влияния, боязнь зависимости – это боязнь – и болезнь – дикаря, но не культуры, которая вся – преемственность, вся – эхо» (из эссе «Примечание к комментарию»).

Итак, если согласиться с И. Бродским, влияние одного поэта на другого – явление вполне нормальное.

Но иногда мы пренебрежительно говорим про какого-то стихотворца, что он «подражает» классику, пишет «под Цветаеву», «под Мандельштама». Где разница между влиянием и подражанием?

Я думаю, разница здесь такая же, как между разведчиком и шпионом. Т.е. граница проходит в голове читающего в соответствии с его пристрастиями.

В раннем творчестве Руслана Сидорова заметно влияние Иосифа Бродского. Ничего удивительного в этом нет, если вспомнить страстную увлечённость и трепетное отношение Руслана к своему кумиру. К тому же «разрешённый» в конце 1980-х годов И. Бродский оказал мощное влияние на всю русскую поэзию рубежа XX и XXI веков.

Разбирая многочисленные тетради со стихами Руслана, я нашёл три стихотворения, которые меня озадачили. Дело в том, что они очень похожи на стихи других поэтов.

Вот стихотворение Руслана, найденное в одной из его записных книжек:

*

**После престо анданте
Поцелуев в тишине
Белым в полной темноте
Просто ню на простыне**

**Флоксов ветреных в окно.
Воздух полный и густой.
Мы одни и мы одно
С тишиной и темнотой.**

**И луна, и свет луны,
И сонаты лунный звук –
Атрибуты тишины
Бесконечности вокруг**

**Душ, лишённых улиц уз,
Тел двоих без ничего,
Сокровеннейший союз,
По-простому – естество.**

**Распахнув глаза трюмо,
Наблюдаю, как нигде
Раньше, явно – путь домой,
Возвращение в Эдем.**

Я никто и ты никто...

А вот несколько строф из стихотворения И. Бродского «В горах»:

**...На ночь снятое пальто.
Трепыханье фитиля.
Ты – никто, и я – никто;
дыма мёртвая петля...**

**...Чем объятие плотней,
тем пространство сзади – гор,
склонов, складок, простыней –
больше, времени в укор...**

**...Снятой комнаты квадрат.
Покрывало из холста.
Геометрия утрат,
как безумие, проста...**

**...ночью, мира на краю,
раскаляясь добела,
жизнь моя на жизнь твою
насмотреться не могла...**

Как видим, оба стихотворения очень близки по настроению, интонации.

Могу точно сказать, что «В горах» было знакомо Руслану. Однажды у нас был разговор именно об этом стихотворении.

В тетради Руслана, помеченной «Апрель 2013», есть любопытный набросок:

*

**(«Качает» – зачёркнуто). Весенний ветер, тоненькие ветки,
Осыпанные прошлогодним клёном(?).
Пришла пора проклюнуться зелёным,
Пришла пора проснуться всем влюблённым.**

**Разве я знаю, отчего я плачу.
Я только петь и умирать умею.
Прости меня. Я не могу иначе.
И не зову. Не плачу. Сожалею.**

Сравним это с ранним стихотворением Осипа Мандельштама:

*

**Качает ветер тоненькие прутья,
И крепнет голос проволоки медной,
И пятна снега – яркие лоскутья –
Всё, что осталось от тетради бедной...**

**О небо, небо, ты мне будешь сниться,
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!**

**Жемчужный почерк оказался ложью,
И кружева не нужен смысл узорный,
И только медь – непобедимой дрожью –
Пространство режет, нижет бисер чёрный.**

**Разве я знаю, отчего я плачу –
Я только петь и умирать умею.
Не мучь меня: я ничего не значу
И чёрный хаос в чёрных снах лелею.**

Не правда ли, обнаруживается удивительное сходство, вплоть до словарного?

По каким-то причинам Осип Мандельштам не печатал своё замечательное стихотворение полностью. При его жизни печаталась лишь вторая строфа («О небо, небо, ты мне будешь сниться...»),

которая и известна большинству читателей. Полностью стихотворение можно найти в собрании сочинений в разделе «Ранние редакции некоторых стихов».

Мандельштам был одним из любимых поэтов Руслана Сидорова, и Руслан хорошо знал его творчество. На одном из «Дилижансов» в апреле 2012 года был разговор именно об этом стихотворении. Т.е. Руслан знал весь его текст.

И ещё два небольших стихотворения, записанные подряд в одной из тетрадей Руслана:

*

**Сиреневеет вечер. Речь
Звучнеет. Жалостней шансон.
Смешались все. Варяг и Греч.
Булгарин. Чехов. Колесо**

**Обозревает Вавилон.
Плывёт сиреневый туман.
Собачка с девочкой незлой.
Пятиэтажные дома.**

**Фантом, плывущий подшофе.
Ночь. Площадь. Музыка. Фонтан.
Шансон несётся из кафе,
Что называется шантан.**

*

**Снег идёт, как миллионы лет.
Засыпает крыши, сны и лёд.
И поёт в печной трубе кларнет –
Пламенно и ветрено поёт.**

Для сравнения приведём первую и последнюю строфы из стихотворения замечательного поэта-эмигранта Бориса Поплавского «Чёрная мадонна», очень популярного в 1930-е годы в парижских кругах русской эмиграции:

*

**Синевели дни, сиреневели,
Тёмные, прекрасные, пустые.**

**На трамваях люди соловели,
Наклоняли головы святые...**

.....

**...И сквозь жар ночной, священный, адный,
Сквозь лиловый дым, где пел кларнет,
Запорхает белый, беспощадный
Снег, идущий миллионы лет.**

И здесь мы видим сходство стихов Руслана Сидорова и Бориса Поплавского, сходство по интонации, содержанию, словарю (дни сиреневели – сиреневеет вечер, поёт кларнет, снег, идущий миллионы лет).

Борис Поплавский – одна из самых трагических фигур эмигрантской поэзии. Поэт, писавший «странные» стихи, вся жизнь которого уместилась в тридцать два года. Поэт, с кем связывали надежды русской поэзии, в ком видели продолжателя блоковских традиций, «царства монпарнасского царевич», как сказал о нём Н. Оцуп.

На вечере поэзии Бориса Поплавского в «Дилижансе» в мае 2011 года Руслан выступал очень эмоционально. Он рассказал, что у него была мысль сделать вечер трёх Борисов – Пастернака, Поплавского, Рыжего. Тогда же Руслан прочитал стихотворение – нет, не Поплавского, а Бориса Рыжего:

**Скажи мне сразу после снегопада –
мы живы или нас похоронили?
Нет, помолчи, мне только слов не надо
ни на земле, ни в небе, ни в могиле...**

**...В снежки играют мокрые солдаты –
они одни, одни на целом свете...
Как снег – чисты, как ангелы – крылаты,
ни в чём не виноваты, словно дети.**

Здесь, как сказал Руслан, у Рыжего ясно слышны мотивы Поплавского, точнее – строчка из его стихотворения:

**... Зажгите свет, так рано потемнело,
С домов исчезли яркие плакаты.**

**Ночь на мосту, где, прячась в дыме белом,
В снежки играют мокрые солдаты...**

(Борис Рыжий создал стихотворение, используя строчку Бориса Поплавского).

Как видим, у Руслана Сидорова есть наброски стихов, явно связанных со стихотворениями трёх поэтов, которых Руслан любил и хорошо знал. Это не может быть случайным.

Сразу скажу, что мысль о простецком подражании известным поэтам я отмечаю сразу. Не такой поэт Руслан Сидоров, чтобы писать серьёзные стихи «под Мандельштама» или даже «под Бродского». Здесь что-то другое. Что именно? Трудно сказать наверняка. Можно лишь сделать некоторые предположения.

Можно представить, например, что Руслан, не помня стихотворения наизусть, пытался «воссоздать» его по памяти, придумывая забытые строки. Или пробовал в качестве поэтической тренировки писать в стиле другого поэта (для себя, только для себя, он ведь никому не показывал эти вещи). А может, пытался построить стихотворение, используя строчки других поэтов (немного раньше я просил не забыть, что именно так поступил Борис Рыжий). Или же писал эти стихи (наброски, черновики) «под влиянием» Бродского, Мандельштама, Поплавского? Под тем самым влиянием, о котором говорил Иосиф Бродский.

В любом случае, можно сказать, что эти три наброска стихотворений «навеяны» творчеством Иосифа Бродского, Осипа Мандельштама, Бориса Рыжего.

Обсуждая всё это с друзьями, хорошо знавшими Руслана, я услышал любопытную версию, которая поначалу показалась мне совершенно неправдоподобной. Заключалась она в том, что для Руслана эти (и, может быть, другие) поэты были живыми, и он разговаривал с ними, как с собеседниками. Я тут же возразил, что Руслан был реалистом и никогда всерьёз не воспринимал спиритизм, мистику, реинкарнацию, магию, эзотерические учения и тому подобное.

Однако стоит ли быть таким категоричным? Кто знает, что творится в воображении поэта? И стоит ли всегда подходить рационально и объяснять логикой душевные движения человека, особенно поэта? Вспомним: каждому любящему поэзию знакомо это удивительное чувство собеседника, когда, читая стихи, иногда почти физически ощущаешь присутствие автора. Будто не ты, а он, автор, читает тебе свои стихи, сидя напротив, и разговаривает с тобой, как с другом. Может, об этом писал Георгий Иванов:

**...Помни, что тебя я называю другом,
Зная, что не встречу нигде и никогда...**

Это ведь будущего своего читателя поэт назвал другом. Каждого, кто читает его *стихи*.